

Н.М. Левитский.

ПЕСНИ НАШЕГО КЛИМАТА

I

над кубами воды парят темные лилии плавников и их тени
нежные, выставяющие прожилки, лежа на свету
издали, как бело-красная ткань, они поднимают мягкость над
глазным яблоком, прикрытым движением.
кто из них рождается в темноте?

несколько имен всплывших в памяти можно подарить свету,
невспомнившиеся заросли как камень одаренный гранью
способной колоть свет в горле, создавая темные слепки,
как шаги за ртом.

разводы холодной воды. что эти образы могут показать,
что они могут найти в темноте? прикрытые сползающим светом
расходящимся на нити — белые и золотые — темные тропики
между двумя пальцами скользящими от переносицы ко лбу

паутинки зрения опутывают острие движения, ничего
не способные показать, ничего, цепкие, как костяной паук
ладони, запущенной в мой карман, жаждущей крика.

ее крик похож на прыжок с трамплина,
в бесконечную темноту, во влажные объятия голубой пелены,
тонкой, тугой. он похож на операцию
на жестких нитях сплетения.

мы рождались в пятнах разделяющих тени
или наши глаза — острая и цепкая дискретная линия
стучит как листья о воду или
круг солнца, как надрезанная кора
или кольцо кожи проскальзывающее в кольцо губ

затем рисунок меняется, становится шире, расплзается
подрагивающим пучком под кожей
словно рука сжимающая шею
с другой стороны.

теперь уже можно поймать голос тянущийся из темноты
как поток кожи, бесконечно прилегающей ко всему слышащему
жилистый и прозрачный, слои медуз, сжимающих воду
и голова наливается тяжестью

младенца что собака несет через ручей
невидимого в руках у невидимого великана
он тянет руки чтобы поднять твое веко, но ты одергиваешься

испуганно выныривая из паутин темноты и слоев темно-красного
которые ты еще ощущаешь, и их распадающиеся волны не прекратятся.

по крайней мере, пока твоя ярость не сольется с темнотой вокруг нее

и мерцающей тишиной этих сочетаний

усложняющих, как скопление огней в темноте справа

или белых тел плывущих над

твоим гнездом сгустившегося ожидания

материи,

прохода, гор песка, сползающих на ноги,

спазм пропадающий в себе как солнце...

сложность будет сложнее завтра.

расползается по воде, уходя

под нее, выходя и двигаясь вдоль, как рука

держущая следующее ощущение в тайне

сжимая в белых хелицерах

дрожащие

синие столбы воды, это слишком темно для глаз

так темно для глаз-насильников, которым

потерян счет и ты ощупываешь кровать, боясь найти

еще один в складках, затем

ладони полные слюны, желающие

есть или стать пищей

все это призраки светлого мира и тени их на земле

можешь отнять их от волос, но каждое движение спутано

смерть мчится в озеро и ее волосы свиваются с его ресницами

мертвые видят его срачивая сами себя

слюной твоих рук

время заговаривает тебя темнотой и ты силишься утопить его

зарывая свою облысевшую за секунду голову

в цветы, ты не в силах увидеть их цвета, так как они темны для глаз

но их лепестки просвечивают, выставляя свои жилы твоей коже

спутывая ощущения

ты давишь их плавники в пальцах, они лопаются заливая густым соком

затем полосы перекрещиваются, находят друг на друга, перерезают

друг друга: зеленый переходящий в желтый, голубой, фиолетовый,

красный, кроваво-коричневые пятна, разум

как бесформенный гигант плоти жаждет выбраться из сетки ощущений

цветы опускают на него тяжелые головы и чудовищные скалы льда

тянут его за кровавые струшья

мрамор льется со всех сторон сося

и придавая его бесформенным бокам образ воронки

красные точки обсыпают видящую поверхность как птицы

океанские скалы

отсутствие цветов вот приближение шторма

звук западает в подступающем сжатии

кожа валится в поры

исполинский бивень медленно

разбивает тучи

и в крупе одной из них

поверженной

повалившейся на

вскинутые клювы скал

и бьющей во все стороны

натянутыми лапами

дыра

затмения в белом

ведущая

к шару

глубоких данных

III

на женину менструацию

наблюдая происходящее, которое снится;

вода

погружается внутрь.

откуда берется

желание уйти сюда, в

коричневое пространство

с красным?

судно движущееся неровно,

деревянная лодка, каяк,

плот.

наблюдая, как погружает кончики

пальцев ног в кровь животного,

а затем сосет их,

словно ребенок. пары´

сгущаются, как битое стекло

темных окон

вокруг него. он

опускает свою

стопу в кровь,

затем погружает

в рот.

пространство комкается

как бумага

медленно

как пласты льда

друг под другом.

темное

разделяет темное,

морское млекопитающее

воду,

краска воду,

звук

воду,

глаза

животного воду и

небо.

мускулистый нос венчает длинное тело,

похожее на струну белого страха.

натянутую струну жира,

копье жира, венчающее солнце,

скрытое равнинами тяжелого воздуха,

грубого воздуха, прямого,

как желудок птицы,

гремящий камнями.

все

погружается в урчание воздуха.

наблюдая град его сока,

открывающий скрытое кожей.

скрытое машинами кожи,

вечно роющими,

вечно дрожащими, вечно

пахнувшими, тайными и

тихими, гигантскими,

белыми, как

звери, освеженные и
работающие.

субстанция соединяющая мир машин
и воду, может быть дождь,
заливает все.

(если кожа — безоговорочная часть дождя)

кожа коры, кожа скал, кожа пород, кожа
магмы, трещины.

кожа крови.

наблюдая, как он обсасывает ее, как леденец.

или уже нет?

он открыл проход в кожу на своем плоту.

каналы жидкостей похожих на
плоть и воздуха
гребец пересекает.

ночь не заканчивается и

день не настает. свет

ото всюду делает

поверхности бледными,

будто ото всего отхлынула кровь.

страх – это страх

это страх, это

страх, это

страх бьется волнами.

(глупо бежать от волн,

когда тонешь)

свет холодный, он

утерял способность делить.

на ладонях

он показывает себя,

как голод. корни

в отдалении от солнца,

лица блестят от жира,

образ пульсирует, то ли уходя, то ли

надвигаясь. расширение

пульсирует. запах

поднимает горизонт, его

ощущение

молния, как шок

молодости, поедающей шум

за шумом, моложе,

молодой шторм, запах

массы, гигантской свежей массы,

опущенной с самого верха

в движении ощущения.

перехватывая внутренность жара.

плоскость затишья,

покатая диагональ прохлады.

кружась, шторм образует кольца дерева,

его белый ворс наполняет ствол, трамбуясь

смолой, бьющей в сладком облаке морской пыли,

ото всюду сочащейся. море выглядит как кусок хлеба, намазанный застывшим жиром.

не плачь, я держу тебя за боль в животе, когда

тебя покидает кровь

времени, отпущенного телом

для тела.

наблюдая скручивание и

мерные, испуганные гребки внутри поясницы.

в один день сладкие и красные

головки циклона

не распустятся.

ты не увидишь их больше.

ты увидишь,

ты не увидишь,

ты увидишь.

V

в поле подобно букве невидимом не видать пляшущих слитков

плоти, пуль исчисляющих

как волосы

протягивая руки вперед,

ей,

засыпаясь

в ряды вскрытых консерв мясом верх жести, как

жерла вулкана

– все буквы, за наименьшем чернил

липнут к крови под непроходимым потоком,

непрозрачным потоком давления

голод встревожен, углубляя

бледно-синие глаза

легкой дрожью

он хочет слететь, но

крылья голода тяжелы и

давление – непроходимое, неясное,

давит зерно в глазах.

на первое голод съедает все красное,

остается только бледно-оранжевый, тусклый

морковный, коричневый.

они продолжают бледнеть, как кожа

невидимость зреет в прозрачности

мы срываем плоды

разумеется, не глядя

постоянно кладем их в рот, как семечки

чтобы сбить голод с толку,

но тогда зачем

нам пустота?

чтоб заполнить зоб; я

слышал зов слов, они хотят

чтобы я регистрировал изменения

в атмосфере

в контрасте большая

сова ухает: *поразительно* три линии

составляют костыль в углу

я смотрю в ее темноту — широкоплечее предложение

ее почерк прячет ее жилистые перья, как стыд

затмевает голод. почва оседает

и осыпается, вяло проваливаясь в себя, обнажая

искореженные железные прутья

каркаса. *ДЬЯВОЛ ИГРАЕТ*

нами, когда мы не мыслим

точно — выслушав наши речи говорит

старый горец которого мы встретили на тропе

и весь лес смотрит на нас

так глядят насекомые

размером с ладонь каждое

говоря сажающемуся за стол: *ты пуст,*

уйди! и он послушно

набирается изменений

а они не моргая следят

за каждым его движением, пока

он не наполнится достаточно,

тогда они садятся по одному на

его плечи, грудь, облепляют лицо и

все тело, и сосут. и он

полнит их.

и толща ломается,

а когда теплые комья заполняют рот, он хватается

за одно из насекомых, облепивших его,

но оно лопается в руке, горячее течет

под рукав, разочарованный, он даже не может

взглянуть какого цвета то, что было внутри.

VI

гляди, лежа на краю,

как отдыхают растения

белые полосы на голубом небе коронуют тебя

то, что закручивается может вызвать

резонанс; он тоже

может идти вслед.

выйди к этому, уже наверняка

тебя встретят

на краю языка,

и болезненность каждого поворота

преодолеет себя, я знаю.

звук покинет твое тело

в один миг, когда напряжение

выйдет через него в

расстояние.

организуя тишину

между несколькими черными

линиями деревьев

такими рациональными и безжалостными

в этих краях.

чудовищно думать, что все могло

закончиться так. Эти чувства

ритмичны, так что

мы могли бы угадывать их по шагам

(с погрешностью в пять – семь)

необходимо переходить (это не просто –

взять себя из рук логики и вернуть

в руки другой, ты не знаешь

как она поведет себя...) в другие звенья,

ты знаешь их шум, он

повторяется у меня в голове до

неразличимости. мерный и

захлебывающийся,

всхлипывающий белым шумом,
плюющийся вырванными клочками

язык ломается, я всегда знал,
но этот звук переводит на
мертвый канал

это не похоже на стон, потому что
стон – это язык, даже
гимн языка.

слово – это гимн твоей речи плавающей
в опметках языка. ты безжалостна

к нему, будто к моему домашнему насекомому, к которому ты
не чувствуешь эмпатии

не можешь ее чувствовать к этим
идеально круглым глазам
состоящим из тысяч частиц (как
они
могут видеть целое?!)

в конце концов не имеющих продолжения –
никаких конечностей, крыльев,

бессмысленные глаза

фасеточные сингулярности твоего пренебрежения

истонченный шторм, его уровни

сквозь которые просвечивают

тысячи брошенных рук

рвущих морскую траву и бледные

линии головоногих

брызжущих из обработанных

рабочими пальцами глазниц чернилами

из тысяч частиц твоего уныния

я строю города и

населяю их моллюсками

пусть копошатся в знак моей

безразличной любви

в конце концов может именно им удастся заполнить бездну

мак, который ты видела, не был сном и его

дрожь в твоей ладони безусловно не означала страха

прежде чем ты погрузила его в свой рот

я будто успел заметить очертание будущего

вязкий гром одел все пространство взгляда белым

твой брат задрал голову обнажив тугой кадык перед букетом цветов

все что еще можно было сказать он знал наперед и вы

не вернулись в город ни в тот день, ни наследующий

поток вынес его обломки

здесь было принято класть

на свежую землю камни

пыль никогда не задерживалась на них, дождь

шел раз в два дня, хотя бы немного

свет водил жителей как животных

но они не были счастливы и будто

оставались при своих

и почти без движения

хрупкость, не как тело, дитя астмы, поднималась

вверх теплым воздухом

жить здесь было похоже на это

и мы никогда не останавливались,

чтобы в скрещении взглядов перестать быть собой
частицы глаз выстраивались в цепь зрения, предвещая пугающее
коммуникационное будущее,
цепляясь за невидимые направления
так путешествуя

как по щупальцам медуз
и пугая тебя и замирая на кончике
твоего ожидания

в любом случае нервируя, когда
ему почти удастся значить

нужно двигаться дальше пункта
т.е. ты воспринял только красоту, надо
двигаться дальше

до центра лавины, где
круг тишины
топорщась по краям

откроет стройное
проседание, и ты вскинешь голову, обнаружишь
камень поднятый с земли